

ставляло благодарную почву для установления тесных связей с творчеством трудового народа, особенно с его историческим эпосом. История создания летописного свода, именуемого Повестью временных лет, подтверждает, что на разных этапах своего сложения этот свод прибегал к фольклору как к источнику сведений, с одной стороны, и к идейной опоре — с другой.

Однако нельзя не учитывать того обстоятельства, что кругозор летописцев становится с течением времени шире, а их мировоззрение все больше подвергается воздействию феодального общественного строя и связанной с ним историософии христианства. Вместе с тем на новой ступени исторического сознания летописцы раздвигают рамки самых тем устного эпоса периода патриархально-родовых отношений и времени создания Киевского государства, где преобладала воинская тема (обороны родины и расширения территории государства). Летописцы глубже проникают в оценку государственной деятельности князей; уделяют внимание их международной политике; чутко отмечают рост значения Русской земли среди соседних государств и т. д. В то же время, по мере обострения феодальной борьбы, когда народный эпос, резко осуждая ее, противопоставляет настоящему былое единство Руси, летописцы все чаще расходятся с устным эпосом в понимании исторических событий и этим определяется отбор ими устных источников для своего повествования. Новые политические задачи летописания все больше отодвигают летописцев от устной истории народа. В то же время нормы христианской историософии вводят в изложение летописца чуждое устному эпосу идеалистическое истолкование причин событий вмешательством сил „потустороннего“ мира в судьбу народов и отдельных людей. Как ни ограничен еще в старшей летописи этот элемент новой историософии, однако, как увидим ниже, он проявляется даже в истолковании заведомо народных исторических преданий.

Все эти соображения должны быть учтены при анализе самого способа восприятия составителями Повести временных лет их устных источников и отбора этих источников.

— — —

Старшая русская летопись возникла, как показывают исследования историков и литературоведов, не раньше второй четверти XI в., но лишь к началу 60-х годов XI в. можно, повидимому, отнести тот этап в жизни летописи, когда ее составители начали широко пользоваться среди других источников и устным преданием. Так называемый свод Никона, датируемый исследователями началом 70-х годов XI в., обнаруживает ясно этот интерес к народному эпосу. Трудно с полной достоверностью установить, кем именно было введено в летопись каждое данное устное предание, сохраненное Повестью временных